“ADOLAT”
MILLIY HUQUQIY AXBOROT MARKAZI
Guvohnoma № 636478
Litsenziya C-5669732

“HUQUQ va BURCH+” —
«ПРАВО и ДОЛГ+» —
"RIGHT and DUTY+"
Journal home page:
https://adolatmarkazi.uz/magazine/electron?id=393

2026-yil
10-son
oktabr
ISSN 3093-8546

Право на воду как право человека и государственный суверенитет над трансграничными водными ресурсами: соотношение принципов в международном праве

Oybek Tursunov,
исследователь (DSc)
Университета общественной безопасности Республики Узбекистан
e-mail: Tursunov.oybekb@gmail.com

Аннотация. Maqolada suvga bo‘lgan huquqning inson huquqi sifatidagi mazmuni hamda davlatning transchegaraviy suv resurslari ustidan suvereniteti o‘rtasidagi nisbat xalqaro huquq nuqtayi nazaridan tahlil qilinadi. Iqtisodiy, ijtimoiy va madaniy huquqlar to‘g‘risidagi xalqaro paktning 15-sonli umumiy sharhi, BMT Bosh Assambleyasining 64/292-sonli rezolyutsiyasi, 1997-yilgi Xalqaro suv oqimlaridan kemachilikka aloqador bo‘lmagan maqsadlarda foydalanish huquqi to‘g‘risidagi konvensiya, Xalqaro sud va hakamlik sudlarining amaliyoti o‘rganiladi. Adolatli va oqilona foydalanish, sezilarli zarar yetkazmaslik hamda hayotiy zarur ehtiyojlarning ustuvorligi prinsiplari o‘zaro bog‘liq tizim sifatida ko‘rsatiladi. Markaziy Osiyo amaliyoti va O‘zbekiston Respublikasining 2025-yilgi Suv kodeksi tahlil qilinib, milliy qonunchilikni takomillashtirish bo‘yicha takliflar beriladi.

Калит сўзлар. suvga bo‘lgan huquq, transchegaraviy suvlar, davlat suvereniteti, adolatli va oqilona foydalanish, sezilarli zarar yetkazmaslik, hayotiy zarur ehtiyojlar, Suv kodeksi, Markaziy Osiyo.

Аннотация. В статье с позиций международного права анализируется соотношение содержания права на воду как права человека и суверенитета государства над трансграничными водными ресурсами. Исследуются Замечание общего порядка № 15 Комитета по экономическим, социальным и культурным правам, резолюция 64/292 Генеральной Ассамблеи ООН, Конвенция 1997 года о праве несудоходных видов использования международных водотоков, практика Международного Суда и арбитражных органов. Принципы справедливого и разумного использования, непричинения значительного ущерба и приоритета насущных человеческих потребностей рассматриваются как взаимосвязанная система. На материале практики Центральной Азии и Водного кодекса Республики Узбекистан 2025 года формулируются предложения по совершенствованию национального законодательства.

Ключевые слова. право на воду, трансграничные воды, государственный суверенитет, справедливое и разумное использование,

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

непричинение значительного ущерба, насущные человеческие потребности, Водный кодекс, Центральная Азия.

Annotation. The article analyses, from the perspective of international law, the relationship between the content of the right to water as a human right and State sovereignty over transboundary water resources. It examines General Comment No. 15 of the Committee on Economic, Social and Cultural Rights, General Assembly resolution 64/292, the 1997 Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses, and the case law of the International Court of Justice and arbitral tribunals. The principles of equitable and reasonable utilization, no significant harm and the priority of vital human needs are presented as an interrelated system. On the basis of Central Asian practice and the 2025 Water Code of the Republic of Uzbekistan, the article proposes ways to improve national legislation.

Keywords. right to water, transboundary waters, State sovereignty, equitable and reasonable utilization, no significant harm, vital human needs, Water Code, Central Asia.

Введение. Вода одновременно выступает объектом государственного суверенитета, условием реализации прав человека и общим ресурсом для государств, расположенных в одном бассейне. Эта тройственная природа порождает один из наиболее острых вопросов современного международного права: как соотносятся право человека на воду и суверенитет государства над водными ресурсами, пересекающими границы. Проблема актуальна в глобальном масштабе, поскольку большая часть речных бассейнов мира является трансграничной, но для Центральной Азии она имеет особое значение. Бассейны Амударьи и Сырдарьи связывают государства с разным положением в бассейне, различной структурой экономики и разной энергетической зависимостью, а строительство новых крупных гидротехнических объектов в регионе показывает, что вопрос не носит исторического характера.

Для Республики Узбекистан, находящейся в зоне формирования значительной части трансграничного стока за пределами собственной территории, оба полюса проблемы значимы одинаково. С одной стороны, государство обязано обеспечивать население питьевой водой как участник международных договоров о правах человека, с другой, оно заинтересовано в соблюдении принципов справедливого использования и непричинения ущерба со стороны соседей. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы показать, что право на воду и суверенитет не находятся в отношении простого противопоставления, а образуют систему принципов, в которой суверенитет ограничен общностью интересов прибрежных государств, а право на воду задаёт нижний предел допустимого распределения. Использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы, анализ решений Международного Суда и арбитражных органов, а также положений национального законодательства Узбекистана.

Право на воду как право человека: содержание и правовой статус. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах не содержит отдельной нормы о праве на воду [1]. Его содержание было выведено Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам из статей 11 и 12 Пакта, гарантирующих право на достаточный жизненный уровень и право на наивысший достижимый уровень здоровья. В Замечании общего порядка № 15 (2002 г.) Комитет определил право на воду как право каждого на достаточную, безопасную, приемлемую, физически доступную и недорогую воду для личных и бытовых нужд [2, п.2]. Нормативное содержание права раскрывается через три элемента: наличие воды в достаточном количестве, её качество и доступность в физическом, экономическом и информационном отношении [2]. Узбекистан является участником Пакта, поэтому толкование Комитета представляет для него авторитетный ориентир, хотя формально и не обладает силой договорной нормы.

Правовой статус права на воду на универсальном уровне закреплён политическими актами. Резолюция 64/292 Генеральной Ассамблеи ООН от 28 июля 2010 г. признала право на безопасную и чистую питьевую воду, и санитарию как право человека, имеющее важное значение для полного осуществления права на жизнь и других прав. Она была принята 122 голосами при 41 воздержавшемся и без голосов против, что отражает признание, но не единодушие [3]. Резолюция 70/169 от 17 декабря 2015 г. признала права на безопасную питьевую воду и на санитарию в качестве самостоятельных, но взаимосвязанных прав [4]. Эти акты имеют рекомендательный характер. Однако совпадение содержания с договорными нормами о правах человека и последовательное подтверждение в практике органов ООН придают им значение, выходящее за рамки обычных рекомендаций [5].

Следует различать два уровня обязательств, вытекающих из права на воду. Базовый уровень включает обязательства уважать, защищать и осуществлять право, а также основные обязательства немедленного действия, к которым Комитет относит обеспечение доступа к минимально необходимому количеству воды, достаточному и безопасному для личных и бытовых нужд [2, п.37]. Именно этот минимальный уровень имеет значение для соотношения с суверенитетом: он не зависит от ресурсов государства и, следовательно, не может быть обойдён ссылкой на его право распоряжаться водными ресурсами. Выше этого уровня обязательство носит прогрессивный характер и допускает учёт ресурсных возможностей государства.

Суверенитет над трансграничными водными ресурсами: от абсолютной свободы к общности интересов. Исторически государства исходили из идеи неограниченного суверенитета над водами в пределах своей территории. Наиболее известное выражение этого подхода дано в заключении Генерального атторнея США Дж. Хармона 1895 г. по спору с Мексикой об использовании реки Рио-Гранде, в котором утверждалось отсутствие обязанности воздерживаться от использования воды в ущерб нижележащему государству [6]. Однако этот подход не получил закрепления в договорной и судебной практике, в том числе и самих Соединённых Штатов, и в современной доктрине рассматривается как

преодолённый этап развития международного права [7].

Альтернативная концепция сформулирована Постоянной палатой международного правосудия в деле о Международной комиссии реки Одер (1929 г.), где был выдвинут принцип общности интересов прибрежных государств, основанный на совершенном равенстве всех из них в пользовании течением реки [8, С.27]. Арбитраж по делу об озере Лану (1957 г.) подтвердил, что государство должно учитывать интересы других прибрежных государств и вести переговоры добросовестно, однако не обязано получать их согласие на использование воды в пределах своей территории [9]. Принцип недопустимости использования территории способом, причиняющим ущерб другому государству, получил классическую формулировку в арбитражном решении по делу о плавильне в Трейл-Смелтер [10, С.1965] и закреплён в принципе 2 Рио-де-Жанейрской декларации 1992 г., который признаёт суверенное право государств эксплуатировать собственные ресурсы одновременно с ответственностью за ущерб за пределами их юрисдикции [11].

Суверенитет над природными ресурсами, закреплённый в резолюции 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН [12], не противоречит этому выводу. Статья 3 Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 г. прямо указывает, что при эксплуатации ресурсов, общих для двух или более стран, каждое государство должно сотрудничать на основе системы информации и предварительных консультаций для достижения оптимального использования ресурсов без ущерба законным интересам других [13]. В деле о проекте Габчиково-Надьмарош Международный Суд подтвердил, что современное развитие права укрепило принцип равенства прибрежных государств в пользовании всем течением реки [14, п.85], а в деле о целлюлозных заводах на реке Уругвай указал, что принцип предотвращения как обычная норма основан на обязанности проявлять должную осмотрительность на своей территории [15, п.101]. Таким образом, суверенитет над трансграничными водами в современном праве существует как ограниченный, и ограничивающий фактор представлен не только правами соседей, но и интересами всего сообщества.

Кодификация и система принципов трансграничного водного права. Центральное место в договорном регулировании занимает Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г., принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 51/229 (103 голоса за, 3 против, 27 воздержавшихся) и вступившая в силу 17 августа 2014 г. [16]. Конвенция закрепляет три взаимосвязанных блока норм. Первый составляет принцип справедливого и разумного использования, согласно которому государства используют водоток с целью достижения оптимального и устойчивого использования и получения от него выгод, учитывая интересы заинтересованных государств (ст. 5); для оценки справедливости статья 6 перечисляет относящиеся к делу факторы, среди которых социальные и экономические потребности государств и население, зависящее от водотока [16, ст.5, 6]. Второй блок составляет обязательство принимать все надлежащие меры для предотвращения причинения значительного ущерба другим государствам водотока (ст. 7). Третий образуют процедурные нормы: общее обязательство сотрудничать (ст. 8), обмен данными (ст. 9) и порядок уведомления о планируемых

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

мерах (ст. 11-19) [16].

Особенно важна для нашей темы статья 10 Конвенции. Её пункт 2 устанавливает, что в случае конфликта между видами использования он разрешается с учётом статей 5-7, при этом особое внимание уделяется требованиям насущных человеческих потребностей [16, ст.10(2)]. В заявлении о понимании, зафиксированном при принятии Конвенции, разъясняется, что при определении насущных потребностей особое внимание следует уделять обеспечению количества воды, достаточного для поддержания человеческой жизни, включая как питьевую воду, так и воду, необходимую для производства продуктов питания с целью предотвращения голода [17]. Это единственная норма универсального договора, в которой потребности человека получают приоритет над иными видами использования. Именно она служит нормативным мостом между правом на воду и межгосударственным распределением ресурсов.

Региональный уровень представлен Хельсинкской конвенцией 1992 г., которая благодаря поправкам, вступившим в силу в 2013 г., открыта для присоединения всех государств-членов ООН [18]. Проект статей о праве трансграничных водоносных горизонтов 2008 г. воспроизводит те же принципы применительно к подземным водам [19], а Берлинские правила Ассоциации международного права 2004 г. в статье 17 прямо закрепляют право каждого человека на доступ к достаточной, безопасной и доступной по цене воде для удовлетворения насущных потребностей [20]. Последний документ имеет доктринальный характер, но показывает направление, в котором развивается мысль о включении права на воду в состав трансграничного режима [21].

Соотношение принципов: три модели. В доктрине и практике можно выделить три модели соотношения права на воду и суверенитета.

Первая модель рассматривает право на воду как внутреннее ограничение суверенитета. Государство, обязанное по Пакту обеспечить минимальный доступ к воде собственному населению, не вправе ссылаться на суверенное право распоряжаться ресурсами, если это приводит к нарушению указанного минимума. Модель не вызывает возражений в отношении населения самого государства, но она недостаточна для трансграничной ситуации, где вопрос состоит в том, обязано ли верхнее государство учитывать потребности населения нижнего государства.

Вторая модель, наиболее соответствующая действующему праву, включает потребности человека в систему факторов справедливого и разумного использования. Конвенция 1997 г. не провозглашает право на воду, но через статью 6 (социальные и экономические потребности, зависящее от водотока население) и статью 10 (приоритет насущных человеческих потребностей) делает потребности человека элементом юридической оценки. Практическая сила этого механизма состоит в том, что он действует между государствами и не требует доказательства юрисдикции в отношении населения другого государства. Ограничение же состоит в том, что приоритет насущных потребностей применяется лишь при конфликте видов использования и не создаёт абсолютного преимущества: статьи 5 и 7 продолжают действовать, а заявление о понимании включает в состав насущных потребностей также воду для

производства продуктов питания, что расширяет содержание понятия и затрудняет его применение [22].

Третья модель опирается на экстерриториальные обязательства в области прав человека. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам указал, что государства-участники должны воздерживаться от действий, прямо или косвенно препятствующих осуществлению права на воду в других странах [2, п.31], и обеспечивать должное внимание этому праву при заключении международных соглашений [2, п.34]. Маастрихтские принципы 2011 г. развивают эту идею применительно ко всем экономическим, социальным и культурным правам [23]. Слабость этой модели состоит в том, что Пакт не содержит положения о юрисдикции, аналогичного статье 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, а практика государств по применению экстерриториальных обязательств остаётся ограниченной. Следовательно, третья модель имеет скорее рекомендательное значение и усиливает аргументацию, нежели служит самостоятельной юридической основой требований.

Практика арбитражных органов показывает, как принципы взаимодействуют на практике. В деле «Кишенганга» арбитраж признал право Индии отводить воду для гидроэнергетики, но установил обязательство обеспечить минимальный сток в 9 м3 в секунду с учётом норм международного экологического права, отметив, что договор следует толковать в свете этих норм [24]. Хотя решение основано на специальном договоре, оно демонстрирует общую тенденцию: право на использование воды ограничивается интересами нижележащего государства и экосистемы. Насколько удалось установить, международные суды до настоящего времени не разрешали спор, в котором право на воду выступало бы самостоятельным основанием иска, и потому соотношение принципов формируется преимущественно через толкование категорий справедливости и ущерба.

Анализ позволяет сформулировать основной вывод раздела: право на воду и суверенитет не находятся в иерархическом отношении. Суверенитет ограничен общностью интересов бассейна, а право на воду формирует нижний предел, который ни одно распределение не должно нарушать. Между этими полюсами действует принцип справедливого использования, который переводит потребности человека на язык юридических факторов оценки. Приоритет права на воду над суверенитетом проявляется не как абсолютное правило, а как требование обоснования любого распределения, лишающего население минимально необходимого количества воды.

Центральная Азия: режим бассейнов Амударьи и Сырдарьи. Регулирование трансграничных вод региона основано на Алматинском соглашении 1992 г., подписанном Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном и закрепившем сотрудничество в области совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников, а также создавшем Межгосударственную координационную водохозяйственную комиссию [25]. Соглашение 1998 г. об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья пыталось

связать интересы верхнего и нижних государств через обмен воды на энергоресурсы [26]. Эти документы остаются основой взаимодействия, но они не содержат ни современного механизма разрешения споров, ни положений о приоритете потребностей человека.

Позиции государств региона в отношении универсальной Конвенции 1997 г. различны. Узбекистан в 1997 г. воздержался при голосовании, но впоследствии присоединился к Конвенции и на момент публикации соответствующего исследования (2014 г.) был единственным государством Центральной Азии, ставшим её участником [27]. Узбекистан формулирует свою политику как поддержку рационального и комплексного использования трансграничных водных и энергетических ресурсов, учёта интересов всех стран бассейна, мирного решения споров на основе переговоров и подхода, объединяющего воду, энергию и продовольствие [28]. Показательным примером новых вызовов служит строительство Афганистаном канала Кош-Тепа на Амударье: Узбекистан указывает, что его ввод в эксплуатацию способен существенно изменить водный баланс региона, и предлагает создать совместную рабочую группу для изучения последствий [28]. Наряду с этим следует учитывать, что, насколько известно, Афганистан не является участником Конвенции 1997 г., поэтому для урегулирования вопроса приходится опираться на обычные нормы справедливого использования и не причинения ущерба [7].

Специфика региона состоит в том, что использование воды неразрывно связано с энергетикой и сельским хозяйством, а понятие насущных потребностей в смысле заявления о понимании охватывает также воду для производства продуктов питания. Следовательно, в Центральной Азии приоритет потребностей человека не может толковаться узко, как только питьевое водоснабжение. Одновременно расширительное толкование создаёт риск того, что любое использование будет обосновываться продовольственной безопасностью. Поэтому ключевое значение приобретает процедурное измерение: заблаговременный обмен данными, уведомление о планируемых мерах и совместные оценки воздействия, как этого требуют Конвенция 1997 г. и практика Международного Суда [16; 15, п.204].

Законодательство Узбекистана. Конституция Республики Узбекистан 2023 г. закрепляет в статье 15, что международные договоры являются частью национальной правовой системы, а при расхождении правил договора и закона применяются правила международного договора [29]. Развивая эту норму, статья 3 Водного кодекса, принятого Законом от 30 июля 2025 г. № ЗРУ-1076, устанавливает тот же приоритет договорных правил в водных отношениях [30; 31]. Для проблемы настоящей статьи это означает, что положения Конвенции 1997 г., участником которой является Узбекистан, имеют преимущество перед нормами внутреннего права и могут служить основой толкования национального законодательства.

Водный кодекс содержит ряд норм, непосредственно связанных с темой. Статья 4 определяет трансграничные водные объекты как расположенные на территории двух или более государств либо пересекающие границы. Статья 6 включает в число принципов водного законодательства первоочередное обеспечение населения водой в необходимом количестве, а статья 52 относит питьевые и

хозяйственно-бытовые нужды к приоритетным видам водопользования. Статья 12 закрепляет собственность Республики Узбекистан на водные объекты, находящиеся на её территории, а статьи 19 и 21 возлагают на Кабинет Министров и Министерство водного хозяйства развитие межгосударственных отношений по трансграничным водным ресурсам [30]. Кодекс предусматривает также создание республиканского и бассейновых водных советов, включая Республиканский водный совет при Кабинете Министров [31].

Анализ этих положений позволяет сделать два вывода. Во-первых, национальное законодательство признаёт приоритет питьевого и хозяйственно-бытового водопользования, то есть воспроизводит внутреннюю логику права на воду, но, судя по проанализированным нормам, не провозглашает это право как самостоятельное субъективное право человека. Во-вторых, регулирование международного измерения носит компетенционный характер: оно определяет органы, ответственные за межгосударственные отношения, но не устанавливает материальных ориентиров, соотносящих собственность государства на водные объекты с обязанностями перед другими государствами бассейна. Такое состояние соответствует общему подходу, при котором принципы справедливого использования и не причинения ущерба применяются через международные договоры, на приоритет которых указывает статья 3 Кодекса.

Выводы и предложения. Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, право на воду как право человека имеет производный характер от статей 11 и 12 Пакта и закреплено на универсальном уровне политическими актами, а его минимальное ядро не зависит от ресурсов государства. Во-вторых, суверенитет над трансграничными водами в современном праве является ограниченным: он существует наряду с принципами общности интересов, справедливого и разумного использования и не причинения значительного ущерба. В-третьих, соотношение двух категорий не является иерархическим. Право на воду формирует нижний предел допустимого распределения и входит в юридическую оценку через факторы справедливого использования и приоритет насущных человеческих потребностей в статье 10 Конвенции 1997 г. В-четвёртых, самостоятельное значение экстерриториальных обязательств в области прав человека пока ограничено и имеет скорее усиливающий характер.

На основании изложенного предлагаются следующие меры. На международном уровне целесообразно закрепить в двусторонних и бассейновых соглашениях Центральной Азии положения об учёте права на воду при определении справедливой доли, механизмы регулярного обмена данными и независимой оценки воздействия, а также процедуры разрешения споров. Узбекистан мог бы выступить с инициативой согласованного толкования понятия насущных человеческих потребностей применительно к региону с учётом заявления о понимании к статье 10.

На национальном уровне предлагается дополнить Водный кодекс нормой, прямо закрепляющей право каждого на доступ к достаточной и безопасной питьевой воде в соответствии с международными

обязательствами Узбекистана, а также положением, определяющим ориентиры деятельности государственных органов при осуществлении межгосударственных отношений по трансграничным водам: учёт принципов справедливого использования, не причинения ущерба и приоритета насущных потребностей человека. Такие нормы усилят связь национального законодательства с международными обязательствами и обеспечат правовую определённость при реализации политики республики в области трансграничных вод.

Список литературы:

1. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. // United Nations Treaty Series. Vol. 993. P. 3. (International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, 16 December 1966, 993 UNTS 3.)

2. Замечание общего порядка № 15 (2002) Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам: право на воду (статьи 11 и 12 Пакта). UN Doc. E/C.12/2002/11. (General Comment No. 15 (2002), Committee on Economic, Social and Cultural Rights: The right to water (arts. 11 and 12 of the Covenant).)

3. Право человека на воду и санитарию. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 64/292 от 28 июля 2010 г. (The human right to water and sanitation. UN General Assembly resolution A/RES/64/292, 28 July 2010.)

4. Права человека на безопасную питьевую воду и санитарию. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 70/169 от 17 декабря 2015 г. (The human rights to safe drinking water and sanitation. UN General Assembly resolution A/RES/70/169, 17 December 2015.)

5. Winkler I.T. The Human Right to Water: Significance, Legal Status and Implications for Water Allocation. Oxford: Hart Publishing, 2012.

6. Opinion of Attorney General Harmon on the Rio Grande dispute, 1895 // Official Opinions of the Attorneys General of the United States. Vol. 21. P. 274.

7. McCaffrey S.C. The Law of International Watercourses. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2019.

8. Territorial Jurisdiction of the International Commission of the River Oder, Judgment of 10 September 1929, P.C.I.J. Series A, No. 23. P. 5.

9. Affaire du Lac Lanoux (Espagne c. France), sentence arbitrale du 16 novembre 1957 // Reports of International Arbitral Awards. Vol. XII. P. 281.

10. Trail Smelter Case (United States v. Canada), Arbitral Tribunal, decisions of 1938 and 1941 // Reports of International Arbitral Awards. Vol. III. P. 1905.

11. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, 1992 г. UN Doc. A/CONF.151/26 (Vol. I). (Rio Declaration on Environment and Development, 1992.)

12. Неотъемлемый суверенитет над природными богатствами и ресурсами. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1803 (XVII) от 14 декабря 1962 г. (Permanent sovereignty over natural resources. UN General Assembly resolution 1803 (XVII), 14 December 1962.)

13. Хартия экономических прав и обязанностей государств. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3281 (XXIX) от 12 декабря 1974 г. (Charter of Economic Rights and Duties of States. UN General Assembly resolution 3281 (XXIX), 12 December 1974.)

14. Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia), Judgment, I.C.J. Reports 1997. P. 7.

15. Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay), Judgment, I.C.J. Reports 2010. P. 14.

16. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков от 21 мая 1997 г. Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 51/229; вступила в силу 17 августа 2014 г. (Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses, 21 May 1997.)

17. Заявление о понимании, относящееся к статье 10 Конвенции. UN Doc. A/51/869 от 11 апреля 1997 г. (Statement of understanding pertaining to article 10 of the Convention. UN Doc. A/51/869, 11 April 1997.)

18. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озёр от 17 марта 1992 г. // United Nations Treaty Series. Vol. 1936. P. 269. (Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes, 17 March 1992, 1936 UNTS 269.)

19. Проект статей о праве трансграничных водоносных горизонтов, 2008 г. Приложение к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 63/124 от 11 декабря 2008 г. (Draft articles on the Law of Transboundary Aquifers, 2008.)

20. Berlin Rules on Water Resources. International Law Association, Berlin Conference, 2004.

21. Boisson de Chazournes L. Fresh Water in International Law. Oxford: Oxford University Press, 2013.

22. Воутерс П. Международное право как основа для трансграничного сотрудничества по водным ресурсам. Тематическая публикация Технического комитета № 17. Глобальное водное партнёрство, 2013. (Wouters P. International Law as a Foundation for Transboundary Water Cooperation. Technical Committee Background Paper No. 17. Global Water Partnership, 2013.)

23. Маастрихтские принципы в отношении экстерриториальных обязательств государств в области экономических, социальных и культурных прав от 28 сентября 2011 г. (Maastricht Principles on Extraterritorial Obligations of States in the area of Economic, Social and Cultural Rights, 28 September 2011.)

24. Indus Waters Kishenganga Arbitration (Pakistan v. India), Permanent Court of Arbitration, Case No. 2011-01, Partial Award of 18 February 2013 and Final Award of 20 December 2013.

25. Соглашение о сотрудничестве в области совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников. Алматы, 18 февраля 1992 г. (Agreement between the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan on Cooperation in the Joint Management of the Use and Protection of Water Resources of Interstate Sources, Almaty, 18 February 1992.)

26. Соглашение об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья. Бишкек, 17 марта 1998 г. (Agreement on the Use of Water and Energy Resources of the Syr Darya Basin, Bishkek, 17 March 1998.)

27. UN Watercourses Convention in Central Asia: The Current State and Future Outlook // International Water Law Project Blog. 1 July 2014. URL: https:/

/internationalwaterlaw.org/blog/2014/07/01/un-watercourses-convention-in-central-asia-the-current-state-and-future-outlook

28. Политика Узбекистана по использованию трансграничных водных ресурсов // Посольство Республики Узбекистан в Королевстве Бельгия. URL: https://belgium.mfa.uz/news/33245 (Policy of Uzbekistan on the use of transboundary water resources.)

29. Конституция Республики Узбекистан (принята на референдуме 30 апреля 2023 г., вступила в силу 1 мая 2023 г.). URL: https://lex.uz/docs/6445145 (Constitution of the Republic of Uzbekistan, adopted by referendum on 30 April 2023.)

30. Водный кодекс Республики Узбекистан (Закон Республики Узбекистан от 30 июля 2025 г. № ЗРУ-1076). URL: https://lex.uz/acts/7658581 (Water Code of the Republic of Uzbekistan, Law No. ZRU-1076 of 30 July 2025.)

31. Принят Водный кодекс // Правительственный портал Республики Узбекистан. 31.07.2025. URL: https://gov.uz/en/advice/784/document/4221